

275

лет со дня рождения *Семена Кирилловича Котельникова* (1723–13.IV.1806), русского математика и педагога, академика Петербургской АН (с 1757). Род. в Петербурге. Ученик Ф. Прокоповича. В 1751–1752 слушал лекции А. Г. Кестнера по математике в Лейпцигском ун-те, в 1752–1756 учился в Берлине у Л. Эйлера. Преподавал математику и механику в Морском кадетском корпусе, в Академической гимназии; в 1785–1796 читал публичные лекции по высшей математике. Основные работы посвящены математике и механике. Написал ряд учебников по математике, механике и геодезии. В теории трения установил факт смещения реакции в сторону вращения, который лег в основу теории трения вращения и гидродинамической теории смазки. Участвовал в разработке проекта соединения Волги с Доном. Издавал Новгородскую летопись.

225

лет со дня рождения *Джорджа Кейли* (1773–1857), английского ученого и изобретателя, одного из основоположников теории полета самолета. В 1849–1853 построил планер, на котором был совершен полет человека. Основные труды посвящены акустике, баллистике, оптике и др.

100

лет со дня рождения *Силарда Лео Сциларда* (11.II.1898–30.V.1964), американского ученого в области ядерной физики, участника создания первого ядерного реактора, члена Национальной АН США (1961). Род. в Бу-

дапеште. Окончил Берлинский ун-т (1922). В 1925–1932 работал там же, в 1935–1938 в лабораториях Лондона и Оксфорда, в 1939–1942 в Колумбийском ун-те, в 1942–1946 в Металлургической лаборатории Чикагского ун-та (с 1946 профессор). Исследования относятся к ядерной физике, ядерной технике, термодинамике, кристаллографии, теории ускорителей, молекулярной биологии, генетике, иммунологии. Один из первых доказал, что в процессе деления ядер урана излучаются вторичные нейтроны, и обосновал возможность развития в уране самоподдерживающейся ядерной реакции деления (1939). Совм. с В. Зинном получил значение среднего числа вторичных нейтронов на один акт деления (1939). Выдвинул идею использования графита как замедлителя нейтронов (1939). Ряд работ посвящен также расчетам критической массы урана и управлению ядерным цепным процессом. Указал на возможность деления на быстрых нейтронах. В области физики ускорителей выдвинул идеи линейного резонансного ускорителя (1928), циклотрона (1929), принцип автофазировки (1939) и др. Открыл совм. с Т. Чалмерсом (1934) разрушение химической связи под действием нейтронов (эффект Сциларда—Чалмерса). Биологические изыскания относятся к проблемам регуляции клеточного метаболизма, образования антител, изучению процессов старения и функционирования центральной нервной системы, молекулярных основ человеческой памяти. Один из инициаторов Пагуошского движения, лауреат премий А. Эйнштейна и «Атом для мира» (1959).

Составили Е. Н. Будрейко и А. И. Володарский

А. Е. ИВАНОВ

РОССИЙСКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX вв.*

1. Причины отъезда за границу российской учащейся молодежи

Под понятием «российское студенческое зарубежье» нами подразумевается российская молодежь, мужчины, а со второй половины прошлого столетия и женщины, искавшие высшего образования за рубежом своей родины, по преимуществу в странах Западной Европы. Это был специфический мир, особая социальная общность со своими исторически сложившимися традициями жизни в инонациональных условиях. Его рождение состоялось в ноябре 1736 г., когда «студенты»-стипендиаты Императорской Академии наук и художеств М. В. Ломоносов с двумя коллегами, В. В. Виноградовым и Г. У. Рейзером, на целых пять лет были отправлены в Германию с предписанием получить высшее естественно-научное образование в Марбургском университете и овладеть горнометаллургическим делом во Фрейбургской горной академии.

В 1758–1771 гг. Конференция молодого Московского университета, вняв совету М. В. Ломоносова, приняла решение подготовить шесть своих будущих профессоров из собственных же наиболее даровитых питомцев** в знаменитых европейских университетах.

В 1835 г. в Германию «для окончания наук» были направлены уже 84 человека, из коих третья часть сосредоточилась в Гейдельбергском университете [1, л. 364]. Во второй половине XIX — начале XX в. эта традиция стала постоянным источником пополнения корпуса российской дипломированной интеллигенции.

Каковы были долговременные факторы, формировавшие российское студенческое зарубежье? Главным из них для значительной части выпускников российской средней школы являлась невозможность свободно выбрать будущую специальность при поступлении в высшую школу. Только питомцам классических гимназий и немногочисленных привилегирован-

* Настоящая статья является главой монографии «Российское студенчество в конце XIX — начале XX вв.: социально-историческая судьба», написанной и подготовленной к печати при финансовом содействии Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 95-06-17-459). Предположительно монография выйдет в свет во второй половине 1998 г.

** П. Д. Вениаминов и С. Г. Зыбелин (медицина), С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков (юриспруденция), М. А. Афонин и А. М. Карамышев (естествознание).

ных школ предоставлялось право поступать во все без исключения высшие учебные заведения и, в первую очередь, без экзаменов в университеты.

Такой привилегии были лишены выпускники реальных, коммерческих, технических, сельскохозяйственных училищ. Они могли поступать только в институты народно-хозяйственного профиля. Закон не допускал их в университеты, хотя желающих стать универсантами среди них было предостаточно. Чтобы осуществить свою мечту, им необходимо было экстерном сдать экзамены по программе гимназического курса, включая и крайне непопулярную латынь. Такая перспектива прельщала немногих. Русский философ Федор Степун, вспоминая о себе, 17-летнем «реалисте» выпуска 1901 г., мечтавшем заняться философией в университете, писал:

Аттестат реального училища не давал права поступления на философский факультет*, а на дополнительную сдачу экзаменов по древним языкам при округе я, несмотря на доводы собственного же разума, никак не мог решиться. Во мне все рвалось в высь, в даль, в жизнь, а тут сиди и корпи над словарями и грамматиками... Помощь пришла с совершенно неожиданной стороны. Впервые побывавшая за границей мать вернулась в восторге от Европы и решила, что философию правильнее всего изучать в Германии [2, с. 72].

Вовсе отторгнутыми от государственной высшей школы были российские женщины. Высшие учебные заведения в основной массе предназначались только для мужчин. Не было среди них ни одного со смешанным половозрастным составом учащихся. И только три из них были специально созданы для выпускниц средних учебных заведений — женские Медицинский (основан в 1897 г.) и Педагогический (основан в 1903 г.) институты в Петербурге, а также Высшие женские богословско-педагогические курсы в Москве (основаны в 1914 г.). Поэтому с 60-х гг. прошлого столетия женщины составляли заметную часть контингента российских подданных, учившихся за границей. Развитие в России, в основном после 1905 г., разветвленной сети общественных и частных высших учебных заведений, в первую очередь для женщин**, привело к тому, что их весьма интенсивная миграция в заграничные академические центры резко пошла на убыль.

Другой причиной, гнавшей недавних среднешкольников на учебу за границу, было недостаточное развитие государственной системы высшего образования. Учебные заведения, из которых она слагалась (48 — в 1892 г., 56 — в 1899 г., 65 — в 1917 г., см. [3, с. 22]), не могли вместить всех жаждавших стать студентами, хотя Россия остро нуждалась в специалистах высшей квалификации. Крайне неразвитой была отечественная университетская система. В 1907/1908 учебном году в Российской Империи было 9 университетов (35 тыс. студентов) [4], а в Германии — 21 (49 тыс. студентов),

* Автор ошибочно именовал «философским» историко-филологический факультет российских университетов, на котором изучалась философия.

** В 1917 г. из 59 общественных и частных высших учебных заведений 30 предназначались только для женщин, 27 — для лиц обоего пола и только 2 были мужскими [3, с. 361–368].

Италии — 21 (24 тыс. студентов), Франции — 16 (31 тыс. студентов), Великобритании — 15 (24 тыс. студентов), Австро-Венгрии — 11 (29 тыс. студентов) [5, с. 10]. К 1917 г. число российских университетов достигло 11 (33 тыс. студентов) [3, с. 23].

Ввиду малочисленности имперских инженерных и аграрных институтов (к 1917 г. — всего 25) [3, с. 358–360] большинство стремившихся стать их студентами (по призванию или необходимости) оставалось в числе аутсайдеров жесткого конкурсного соперничества абитуриентов. «Условия приема в русские высшие технические учебные заведения с их конкурсными испытаниями, оставляющими сотни молодых людей за штатом, ... издавна толкали русскую молодежь за границу...», — констатировал в 1901 г. корреспондент журнала «Образование» [6, с. 19]. Положение не изменилось и спустя десятилетия. В 1910 г. в петербургские Горный, Инженеров путей сообщения, Электротехнический, Лесной институты на 1140 студенческих вакансий было подано 4600 заявлений, а в Петербургский политехникум на 1292 места — 4001 заявление [3, с. 260].

К тому же российская высшая народно-хозяйственная школа не могла предоставить абитуриентам того изобилия необходимейших российской экономике специализаций, которые предлагались западноевропейской. Этот факт с особой очевидностью высвечивается на примере самых прогрессивных в научно-педагогическом смысле политехнических институтов. Их оперативно корректируемая многофакультетная структура была очень гибко приспособлена к потребностям капиталистической экономики. К тому же они были и самой студентоемкой (подобно университетам) организационной формой высшего народно-хозяйственного учебного заведения. В 1912 г. Российская Империя обладала 6-ю политехниками, а в Германии в это же время действовали 10, во Франции — 8, в Австрии — 7. При этом российские «технические университеты» (так политехникумы называл их популяризатор в России С. Ю. Витте) уступали западноевропейским в разнообразии структуры: в них было по 4–6 факультетов (отделений), а, например, в германских — по 5–7 [3, с. 97].

Абсолютно не привились в России так называемые «смешанные» университеты, в которых традиционные факультеты (историко-филологический, естественный, юридический, медицинский) соседствовали бы с народно-хозяйственными, соответственно местным нуждам в специалистах определенного профиля. Таковые были в Германии (агрономические и лесные), Великобритании (инженерные), Франции (агрономические и инженерные), Италии, Бельгии, Венгрии. В университетах Соединенных Штатов насчитывалось по 12–14 факультетов [7, л. 72об.–73]. При этом «смешанные» университеты действовали в Европе уже со второй половины XIX в. В 1861 г. выпускник Ришельевского лицея (Одесса) А. П. Бржосниовский предпринял путешествие в Германию, чтобы поступить в Агрономический институт при Йенском университете [8, с. 8].

Постоянно действовавшим фактором выталкивания за границу российской интеллигентной молодежи была правительственная национальная

политика в сфере высшего образования. Ее «ударным» направлением был «еврейский вопрос» (см. [9]).

Царское правительство пыталось всемерно сократить в высших учебных заведениях численность студентов-евреев, за которыми прочно закрепилась репутация беспокойного оппозиционно-революционного элемента. В 1887 г. в высших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения, в качестве щита от бесконтрольного проникновения в них евреев, для последних были установлены количественные квоты в студенческом контингенте: 10% — для высших учебных заведений, расположенных в «черте оседлости», 5% — для находившихся вне ее, 3% — для столичных. Этот же нормирующий порядок, правда, в различных процентных вариациях, был принят и прочими ведомствами, под крылом которых действовали и высшие школы. Юноши «иудейского вероисповедания» вовсе не допускались в высшие учебные заведения Министерств путей сообщения, юстиции, военного (исключая Военно-медицинскую академию). Им был закрыт путь также и в Московский сельскохозяйственный, Петербургский электротехнический институты.

В итоге еврейская часть российской студенческой диаспоры в различных европейских странах была едва ли не самой внушительной по численности. В первую очередь, это относилось к Германии. Там, по неофициальным данным, после первой русской революции евреи составляли 75% всех студентов из России [10, с. 9]. По свидетельству корреспондента журнала «Русская мысль», в 1911 г. евреи составляли большинство мюнхенской колонии российских студентов, насчитывавшей 696 человек. О том же свидетельствует такой факт: из 235 человек, принявших участие в проведенной в 1911 г. студенческой самопереписи, 191 (84%) анкетированных отнесли себя к лицам еврейской национальности [11, с. 120, 122].

И еще одно свидетельство на этот счет — Н. М. Щапова, в 1906/1907 учебном году слушавшего лекции в Дармштадтском политехникуме: «В Дармштадте было очень много русских студентов, из них, вероятно, 95% евреев... Евреи ехали сюда и из-за невозможности поступить в высшее техническое учебное заведение в России, и из-за черты оседлости, и из-за процентной нормы их приема в России. Среди них были и халтурники (ехавшие за дипломом), и очень дельные». Вместе с тем в Цюрихском политехникуме (Швейцария), куда мемуарист перешел в 1907 г., он встретил «немного» российских студентов, а «евреев среди них мало» [12, с. 277]*.

Другим большим вопросом академической политики царизма был «польский». Действовавшие на территории Царства Польского высшие учебные заведения — Университет, Политехнический и Ветеринарный институты в Варшаве, Институт сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии — преднамеренно были русифицированы по языку преподавания, со-

* Автор глубоко признателен члену-корреспонденту РАН Ярославу Николаевичу Щапову за предоставленную возможность обстоятельно познакомиться с неопубликованными мемуарами его отца и право использовать материалы этого интереснейшего произведения мемуаристики в данном исследовании.

ставу педагогического корпуса, а после первой русской революции — и по составу студентов (особенно радикально университет — см. [13, 14]). Ущемленная в своем национальном чувстве стремившаяся к высшему образованию польская молодежь по возможности предпочитала учиться не в угнетавшей Польшу Российской Империи, а за границей, в первую очередь в Германии, Австро-Венгрии и прочих европейских странах. Можно предполагать, что среди российских студентов высших учебных заведений европейских стран поляки по своей численности уступали только евреям. На это указывают косвенные данные, хотя есть и статистические, но мало-представительные (о них ниже). В 1901 г. антироссийски настроенные студенты-корпоранты Берлинского (Шарлоттенбургского) политехникума выступили против засилья в нем выходцев из России. В своих антироссийских устных и письменных выступлениях они с сарказмом именовали свой институт «полакиум» (вместо «политехникум»), негодуя по поводу чрезмерного, как им казалось, количества поляков, заполонивших их *alma mater* [6, с. 20]. Организаторы переписи 1911 г. студентов-россиян, учившихся в высших учебных заведениях Мюнхена, констатировали: «Русских вообще в этой колонии немного. Поляков, наоборот, гораздо больше» [11, с. 122].

Доминирующее положение еврейской и польской национальных групп среди российско-зарубежного сотрудничества иллюстрируют также статистические данные, по времени относящиеся к 1897 г. В горной школе бельгийского Льежа среди 100 иностранцев обучались и россияне: 25 евреев, 20 поляков и 15 «собственно русских» [15, с. 5]. В Горной академии в Любене (Австро-Венгрия) из 30 иностранцев 15 были российско-подданными: 12 поляков, 2 грузина, 1 русский [15, с. 20]. Во Фрайбургской горной академии национальный состав российской части ее студентов выглядел следующим образом: 20–25 поляков, 15–20 остзейских немцев, 14 русских, 7 евреев, 3 армян, 2 латышей [15, с. 20].

Следует заметить, что для местных студентов, да и населения каждой принимающей стороны в целом студенты из России были «русскими» не взирая на их национальную пестроту.

Учиться за границу устремлялись и те, кто руководствовался исключительно влечением к какой-либо специальности или чисто научными побуждениями. В 1888 г. только что окончивший реальное училище в Киеве Е. О. Патон поступает на инженерно-строительный факультет Дрезденского политехнического института, не найдя в России достойного высшего учебного заведения, где можно было бы выучиться на инженера-мостостроителя [16, с. 9].

Студент выпускного курса историко-филологического факультета Московского университета Б. Л. Пастернак в 1912 г. отправился в германский Марбург, чтобы в местном университете прослушать цикл лекций знаменитого философа Г. Когена, главы марбургской школы неокантианства [17, с. 18–23].

Всего один зимний семестр 1909/1910 г. проучился на филологическом отделении Гейдельбергского университета О. Э. Мандельштам, слушая

лекции по французской литературе и европейскому средневековому искусству [18, с. 222–227].

За границей возобновляли студенческую жизнь и уже дипломированные специалисты, например инженеры, стремившиеся учебой там повысить свой профессиональный статус. «Немецкие техники, механики и химики ценятся часто больше, нежели окончившие технологические институты на родине; нередко поэтому русские технологи стремятся по окончании на год-два за границу, именно в Германию», — свидетельствовал корреспондент журнала «Образование» в 1901 г. [6, с. 20].

Входили в эту категорию и движимые стремлением восполнить пробелы в своем образовании, приобрести новые научно-фундаментальные и прикладные специализации, отсутствующие в российской высшей школе. Они посещали лекции и семинарии знаменитых профессоров, занимались в лучше, чем российские, оборудованных лабораториях, научно-практических институтах, которых в России не было и в помине. Среди таковых был Н. М. Щапов; сразу же по окончании в 1906 г. механического отделения Московского технического училища он «беспрепятственно» поступил в Дармштадтский политехнический институт с правом слушать любой курс лекций по собственному выбору; специализировался там в конструировании водяных турбин. Проучившись в Дармштадте до конца 1906/1907 учебного года, перешел в Цюрихский политехникум, где пробыл до 1909 г. [12, с. 277–278].

Российское студенческое зарубежье постоянно пополнялось и теми, кто оказывался в конфликте с имперским правопорядком, да и просто был нетерпим к политической системе самодержавия. В категорию таковых входили выпускники средних учебных заведений, получившие дурную характеристику от учебной администрации и местной полиции («волчьи билеты»), а также исключенные из отечественных университетов и институтов, нередко без права обратного поступления, за участие в студенческом движении, принявшем всероссийский размах в конце XIX — начале XX вв. Многие из них покинули родину под впечатлением кровавых событий 1905 г. Читаем в беллетризованных воспоминаниях некоего Г. Гроссера, написанных от лица вымышленного героя Батунова:

В Петербурге он жил так хорошо. Жил всеми нервами, всей душой. Там он боролся. Правда, кровь, трупы, выстрелы испортили его здоровье... Когда его товарища, добродушного Костылина расстреляли, Батунов почувствовал, что внутри него что-то оборвалось, опустело. Он лишился сна, покоя, перестал ходить на студенческие собрания, к товарищам... Раз в углу комнаты почудился ему Костылин с расстрелянной грудью. Опасались расстройства умственных способностей. Доктора предписали удалиться в заграничный маленький городок полечиться от неврастения [10, с. 24].

Выбор пал на Иену. Там герой повествования встретил, кстати, товарища по гимназии, который эмигрировал, поскольку ему грозила смертная казнь за участие в декабрьском вооруженном восстании [11, с. 125].

Наконец, среди зарубежных российских студентов были и те, кто искал за границей необходимого академического комфорта, поскольку беспрепятственные с конца XIX в. студенческие беспорядки в отечественной высшей школе крайне мешали главному студенческому делу — учебе. В 1896 г. студент Петербургского технологического института А. Ф. Иоффе, убедившись в том, что «заниматься наукой в высшей школе России невозможно» из-за нескончаемых студенческих беспорядков, уехал в Германию и поступил в Мюнхенский университет, чтобы стать учеником «лучшего физика-экспериментатора» Рентгена. В Россию вернулся в 1906 г., отказавшись от профессуры в Мюнхене [19, с. 16].

В каких же количественных показателях выражались описанные выше мотивы отъезда на учебу за границу российской молодежи? Ответить на этот вопрос в известной степени помогают данные из материалов упоминавшейся выше самопереписи 1911 г. российских студентов Мюнхенского политехникума. Из 235 анкетированных мужчин (женщины по неизвестной причине устранились от участия в анкетировании) на вопрос о причинах, заставляющих их обучаться за границей, ответ был получен от 227 человек. Из них 154 (68%) указали на процентную норму приема евреев в российские высшие учебные заведения; 44 человека (19%) заявили, что приехали учиться за границу по собственному выбору; наконец, 29 человек (13%) сослались на политические причины.

Думается, эти данные в целом верно зафиксировали ведущие мотивационные тенденции академической миграции российской молодежи за границу. На это указывают ответы на вопрос анкеты, который звучал примерно так: «А не предпочли бы Вы европейские высшие учебные заведения российским, если Вам была бы предоставлена свобода выбора?» Из 196 человек, ответивших на этот вопрос, лишь 49 (25%) дали утвердительный ответ, а 147 (75%) указали, что только национальные и политические притеснения на родине вынуждают их проводить свои лучшие годы на чужбине [11, с. 125].

Социальная подоплека вышеприведенных данных обрела бы большую основательность, если бы в анкетировании приняли участие российские поляки (они бойкотировали «русскую» анкету), а также женщины (опросный лист заполнили только 5 мюнхенских студенток из России).

2. Социальный состав и численность российских студентов в заграничных высших учебных заведениях

Кто же были российско-подданные, учившиеся за границей, по своему социальному статусу? По составу сословий они повторяли студенчество высших учебных заведений России, а вот по степени представительства этих сословий существенно от него отличались в сторону большей демократичности. Причиной тому было то обстоятельство, что в конце XIX — начале XX вв. российское студенческое зарубежье складывалось в основном из ущемленных в возможности учиться на родине, в первую очередь, по причине национального, вероисповедного, половозрастного неравенства.

Достоверность данного заключения в известной степени подтверждается материалами все той же мюнхенской переписи 1911 г. в той их части, которая посвящена сословному составу студентов из России. Из 217 человек, ответивших на вопрос о своей сословной принадлежности, детей дворян и чиновников было всего 10 (5%), детей священников — 2 человека (1%). Прочие 205 человек (94,5%) были детьми мещан (120 человек, или 55%), купцов (62 человека, или 29%) и прочих непривилегированных сословий российского общества [11, с. 123].

Из справочника Д. Марголина за 1909 г. узнаем об аналогичной полисловности женской части «русской» студенческой колонии в Париже: «Среди этой массы женщин имеются представительницы всех слоев общества — здесь и дворянки, и мещанки, и крестьянки, и дети мелких разночинцев, и из духовных семей» [5, с. 182].

Но вернемся к Мюнхенской переписи, а именно к той ее части, которая содержит сведения о занятиях родителей российских студентов. Из этих сведений явствует, что учившиеся в Мюнхене «русские» происходили из семей, представлявших торговлю, обслуживающий персонал частного предпринимательства, ремесло. Таковых было 148 человек (68%). Другая достаточно весомая группа в 36 человек (17%) представляла так называемые «либеральные профессии», или интеллигенцию [11, с. 123]. Таким образом, можно заключить, что 85% членов «русской» студенческой колонии Мюнхена представляли буржуазные слои российского общества.

Вышеизложенные выводы, касаемо социального состава мюнхенской колонии студентов из России, универсальны. Их можно экстраполировать на российское студенческое зарубежье конца XIX — начала XX вв. в целом. В этом убеждают социальные характеристики (и их отдельные фрагменты) российских студенческих колоний в центрах высшего образования ряда европейских стран, в первую очередь в Германии. Выявленные нами в мемуарах, в журнальной публицистике, они в известной мере компенсируют скудость статистических источников, столь необходимых для социопортретирования зарубежных экономических сообществ молодежи из России.

Сколько же российских студентов училось в высших учебных заведениях Европы? Ответить на этот вопрос более чем затруднительно. И вот почему: ни одна официальная инстанция Российской Империи не занималась сбором и обобщением такой информации. Не обременяло себя этим даже Министерство народного просвещения, которому, казалось бы, по роду деятельности надлежало собирать сведения о численности и размещении российских студентов за рубежом. В этом убеждает следующий факт. 24 февраля 1916 г. министр народного просвещения П. Н. Игнатьев на заседании Совета министров, посвященном «еврейскому вопросу» в сфере высшего образования, между прочим, сообщил своим коллегам-министрам, что в 1914 г. за границей обучалось 8,5 тыс. российских студентов: 3 тыс. — в Германии, 2,5 тыс. — в Швейцарии, прочие — во Франции, Бельгии и некоторых других романских странах [20, л. 138]. И самое примечательное: министр подчеркнул, что приведенные данные почерпнуты из «частного

справочника». Какого? Для нас не составило труда установить, что имелся в виду изданный в 1915 г. справочник Д. Марголина для поступавших во все высшие учебные заведения за границей, информация которого базировалась на сведениях 1913/1914 учебного года [21, с. 92].

Следует иметь в виду, что в этом справочнике статистические данные, касающиеся происхождения и статуса российских студентов, во многом случайны и относятся к разным промежуткам времени. Вместе с тем по объему и систематизированности он превосходит другие неофициальные (официальные отсутствуют) источники. Поэтому есть основание думать, что представленные П. Н. Игнатьевым данные об общей численности студенческого зарубежья в 8,5 тыс. человек не были случайной игрой статистических показателей. Тем более, что они совпадают с нижеследующим свидетельством Я. Лещинского — весьма информированного автора опубликованной в 1914 г. статьи о мюнхенской 1911 г. российско-студенческой самопереписи. Он написал буквально следующее: «Приблизительно считают русских во всех заграничных университетах около восьми тысяч».

Статистический материал справочников Д. Марголина позволяет составить представление и о динамике возрастания численности «русских» в западноевропейской высшей школе. Прodelав такую же работу, что и чиновники ведомства народного просвещения, но со справочником, изданным в 1909 г., Я. Н. Щапов подсчитал, что в 1907/1908 учебном году там обучалось 6 тыс. таковых [22, с. 202], или 6,4% от всероссийского студенческого контингента, который к этому времени насчитывал 92697 человек [3, с. 254]. За последующее десятилетие (к 1914 г.) численность российско-зарубежных студентов возросла на 30%, достигнув 8,5 тыс. человек, что составляло 7% всероссийского студенческого контингента, насчитывавшего к тому времени 123532 человек [3, с. 254]. Примерно такое количество студентов в 1913/1914 учебном году состояло в Харьковском, Казанском, Новороссийском (Одесском) и Томском университетах или в Петербургском, Киевском, Донском (в Новочеркасске) и Варшавском политехникумах. При этом Российская Империя не истратила на данный предмет ни единой копейки своего бюджета.

В какие же страны устремлялись миграционные потоки искателей высшего образования за рубежами Российской Империи?

3. Страны пребывания российского студенчества

Германия

Самый многочисленный поток российской молодежи, отъезжавшей на учебу за границу, изливался в Германию с ее разветвленной сетью университетов, народно-хозяйственных институтов, высших музыкальных и художественных школ. На протяжении почти всей второй половины XIX в. этот поток состоял из российских мужчин. Женщин в германские высшие учебные заведения стали допускать с середины 90-х гг. XIX в., первонач-

начально «гостьями-слушательницами», несколько позже — полноправными студентками.

Относительно массовый характер это поток начал обретать после Крымской кампании, когда существенно были поколеблены полицейско-охранительные регламентации заграничных путешествий русских подданных и существенно снижена баснословно высокая по тем временам плата в 500 руб. за заграничный паспорт. Приехавший в 1861 г. в Дрезден А. П. Бржосниовский (см. выше) встретил там студентов из России, учившихся в местных политехникумах, Академии художеств, консерватории. Однако, свидетельствовал он, не один только Дрезден «в то время привлекал к себе русскую и польскую учащуюся молодежь: много других германских городов с их известными университетами, политехниками и другими институтами служили такой притягательной силой. Лейпциг, Берлин, Гейдельберг, Тюбинген, Геттинген, Иена и др. имели славные университеты; Штутгарт, Карлсруэ — политехнические институты; Таранд — агрономический и лесной институт; Фрайбург в Саксонии — горный институт и т. д.». [8, с. 7–8].

На протяжении второй половины XIX в. — начала XX в. академические связи России с центрами высшего образования Германии не только сохранились, но расширились географически, охватив все основные звенья ее высшеобразовательной системы. По данным справочника Д. Марголина, в 1909/1910 учебном году только в университетах и государственных инженерных школах Германии обучалось без малого 3 тыс. студентов из России. Этот же показатель экстраполирован Д. Марголиным и на ситуацию 1913/1914 учебного года, когда «русские» составляли 62,5% всех иностранцев, учившихся в германской высшей школе (4800 человек) [21, с. 93–94].

Но в этот подсчет не вошли те из российских студентов, которые поступали в неправительственные (городские, общественные, частные) инженерно-промышленные институты, коммерческие училища, консерватории, академии изобразительного искусства. На наш взгляд, приведенный выше показатель можно было бы откорректировать до 3,5–4 тыс. человек.

С первой половины XIX в. самыми притягательными для российской молодежи, обойденной университетским образованием на родине, были немецкие университеты, среди европейских пользовавшиеся самой высокой научно-педагогической репутацией. В Германию ехали, чтобы фундаментально изучать философию, естественные науки, медицину, юриспруденцию, классическую филологию и историю, романские языки и литературу. О том, какие из перечисленных специальностей были наиболее предпочтительными для молодых людей, прибывших из России, до известной степени позволяют судить данные из упоминавшейся выше мюнхенской 1911 г. переписи «русских» студентов. Из 235 человек, принявших в ней участие, 170 посещали местный университет, 60 — политехникум, 5 — художественную академию. В круг универсантов входили 137 медиков, 10 естественников, 14 юристов, 9 философов и филологов. Столь разительное преобладание стремившихся к медицинскому диплому интерпретатор пе-

реписи аргументировал тем, что 190 человек из 235 участников анкеты были еврейской национальности. Медицина же из всех «либеральных профессий» предоставляла им наибольшие возможности для хорошей карьеры. («Еврейскому же юристу или инженеру устроиться на государственную службу довольно-таки трудно, выражаясь мягко») [11, с. 129].

По количеству российские студенты лидировали среди универсантов-иностранцев, учившихся в Германии. Так, в 1907/1908 учебном году в ее 21 университете (46471 человек) числилось 1469 студентов из России, что составляло 3,2% от всего студенческого контингента и 38% — от его иностранной части [5, с. 77]. В 1909/1910 учебном году 1795 «русских», по-прежнему составляя 3,2% всех учившихся уже в 22 германских университетах (54845 человек), занимали уже 43% студенческих мест, отводимых приехавшим из других стран [23, с. 7].

В начале XX в. в Германии не было ни одного университета, среди студентов которого не числились бы «русские». Об иерархии их предпочтений в выборе университетов, где им хотелось бы учиться, можно судить по данным таблицы 1. Можно предполагать, что с течением времени этот иерархический ряд не претерпел кардинальных изменений. По-прежнему лидерствовал университет в Берлине. К 1913/1914 учебному году число российских студентов в нем возросло до 533 человек [5, с. 77]. В 1911/1912 учебном году Мюнхенский университет посещали 400 человек из России [11, с. 120]. В 1913/1914 учебном году до 142 человек возросло число таковых в Гейдельбергском университете [21, с. 92].

Какими же условиями обставлялся прием абитуриентов из России в университеты Германии? На протяжении второй половины XIX в. — куда более простыми, чем в российские. В ту пору к занятиям допускались даже без обязательного предъявления свидетельства об окончании среднего учебного заведения — по заграничному паспорту. Основанием для такого послабления был тот факт, что студенты из России не сдавали государственных экзаменов в специальных комиссиях, поскольку, естественно, не претендовали на места в имперском чиновничьем аппарате Германии.

С 1896/1897 учебного года от российских мужчин, поступающих в университеты, стали требовать свидетельства об окончании не менее шести классов классической гимназии или полного курса реального училища. Не обладавших таковыми в Берлинском университете, самом переполненном иностранцами, стали подвергать испытаниям, правда, по мнению современника, «весьма поверхностным». За исключением двух-трех «самых невидных» провинциальных университетов, прочие следовали этому примеру [24, с. 9–10].

С 1900 г. российские абитуриенты должны были предъявлять свидетельства об окончании полного курса классической гимназии или реального училища; «реалистов» к тому же перестали принимать на медицинский факультет. Принятых ранее в Берлинский университет без этих требований даже не допустили к выпускным экзаменам.

Требования к среднеобразовательному цензу абитуриента из России могли быть изменены по воле земельных министерств народного просве-

щения и учебной администрации университета. Подобного рода случаи в практике германских университетов были не так уж и редки. Например, с 1913 г. в Лейпцигский университет стали принимать только бывших студентов российских университетов со стажем учебы не менее одного года. От поступающих в Мюнхенский университет требовались либо аттестат зрелости (по окончании классической гимназии), либо свидетельство о том, что абитуриент ранее состоял студентом университета [21, с. 32–33, 93].

Таблица 1
Численность российских студентов в университетах Германии
(по состоянию на 1907/1908 учебный год, см. [5, с.77])

№ п/п	Университеты	Число студентов из России	Число студентов-иностранцев	Общее число студентов	Доля «русских» в % в общем числе студентов	в числе студентов-иностранцев
1.	Берлинский	307	977	8220	3,7	31,4
2.	Лейпцигский	249	567	4341	5,7	44,0
3.	Мюнхенский	185	573	5943	9,6	32,3
4.	Гейдельбергский	116	219	1676	13,0	53,0
5.	Кенигсбергский	93	104	1105	9,4	89,4
6.	Иенский	76	116	1375	12,0	45,7
7.	Галльский	72	220	2237	10,0	32,7
8.	Фрейбургский	66	127	1814	7,0	52,0
9.	Гессенский	54	75	1144	6,5	4,7
10.	Бреславский	45	83	2071	4,0	54,2
11.	Геттингенский	44	142	1857	7,6	31,1
12.	Страсбургский	41	98	1709	5,7	4,2
13.	Боннский	34	98	3209	3,0	1,0
14.	Марбургский	20	64	1670	3,8	1,2
15.	Вюрцбургский	20	74	1382	5,3	1,4
16.	Графсвальдский	19	37	803	4,6	2,3
17.	Тюбингенский	15	50	1578	3,2	30,0
18.	Ростокский	7	21	648	3,2	33,0
19.	Кильский	3	20	1025	2,0	15,0
20.	Мюнстерский	2	13	1606	0,8	15,3
21.	Эрлангенский	1	33	1058	3,1	3,0
Итого:		1469	3861	46471	8,3	38,0

Особенно изощренной, изобиловавшей «ловушками» из заведомо невыполнимых условий была система приема в германские университеты «лиц женского пола» из России. Первоначально их принимали по аттестату об окончании женской гимназии с дополнительным VIII классом, дававшим право работать домашней учительницей. Делались, правда, и послабле-

ния — принимали иногда с аттестатом за 7 гимназических классов. Затем в некоторые университеты стали принимать только золотых медалистов. Позже последовало требование предъявлять свидетельство о сдаче латинского языка за VIII класс мужской гимназии [21, с. 11–14]. При этом студентка должна была каждый раз исхлопывать у ректора разрешение на продолжение занятий в предстоящем семестре [5, с. 53].

С течением времени, судя по справочнику Д. Марголина за 1909 г., в каждом университете установились свои требования к общеобразовательному цензу российских абитуриенток. В ряде университетов их перестали принимать по полученному на родине аттестату женской классической гимназии на том основании, что последние по программам преподавания якобы стоят «ниже» германских. От российских абитуриенток стали требовать: в одних случаях — свидетельства о сдаче при одном из университетов экзаменов по программе германских классической или реальной гимназий или аттестата, выданного немецкой классической гимназией Фишер в Москве; в других — документа о прослушании не менее четырех семестров, а то и больше, на Московских (бывш. Герье) или Петербургских (Бестужевских) высших женских курсах и даже об их окончании; в третьих, ни много ни мало — университетского диплома и т. д. и т. п. При этом на разных факультетах одного и того же университета сплошь и рядом комбинировались самые разные требования из вышеприведенного их репертуара [5, с. 53–54].

Ректоры некоторых университетов и вовсе отказывались принимать женщин-иностранок. Из справочника Д. Марголина за 1909 г. узнаем, что такая ситуация сложилась в Кенигсбергском и Кильском университетах.

Тактика всемерного ограничения приема российских женщин безусловно способствовала снижению представительства «русских» в германских университетах. Если учесть, что университетское образование в Германии, например, в 1910 г. получало всего 3335 женщин (2109 студенток и 1226 вольно-слушательниц), включая и иностранок [23, с. 7] (или 6% совокупного контингента студентов), то становится очевидным, сколь ничтожна была доля россиянок в этих показателях.

Аналогичного заключения не сделаешь по поводу мужского большинства российских универсантов, учившихся в Германии. Корректировки условий приема, нацеленные на уменьшение их числа, не дали существенных результатов. Как было показано выше, по данным на 1907/1908 г. студенты из России составили 38% всех иностранцев, обучавшихся в университетах Германии (табл. 1), а в 1910 г. — 43% [23, с. 7].

Учебная администрация порой прибегала к запрету на прием в университеты «русских», наиболее многочисленных в этом секторе германской высшей школы. Из справочника Д. Марголина вдруг узнаем о «возобновлении» их приема 21 октября 1906 г. — правда, без указания, с какого времени он был приостановлен. Можно предположить, что в 1905 г., в связи с событиями первой русской революции, остановившей академическую деятельность высшей школы России и тем самым усилившей отток за границу

молодежи, стремившейся к высшему образованию. Кстати, в это же время был приостановлен прием в Мюнхенский политехникум [5, с. 19].

Самая же широкомасштабная очистка германской высшей школы от «русских» произошла в 1913 г., когда последовало решение имперского министра просвещения о недопущении их впредь в число студентов германских университетов. Оно сопровождалось беспрецедентной антирусской кампанией в прессе, которая твердила о «вреде», наносимом «русскими» университетам, т. к. они «низки в нравственном и культурном отношении», и беззастенчиво связывала эту инсинуацию с идеей о необходимости «строго взвешивать ценности каждой национальности для науки» [25, л. 14]. Таким эхом откликнулось в академической сфере обострение германо-русских отношений накануне первой мировой войны*.

Отправлялись из России в Германию и соискатели высшего народно-хозяйственного образования — инженерно-промышленного и агрономического. В 1897 г. только в инженерных институтах Германии обучалось 500 российских студентов [26, с. 74]. Согласно данным, прозвучавшим в докладе профессора К. Гольдшмидта на Мюнхенском съезде германских химиков, в 1909 г. в 10 политехникумах, 2 сельскохозяйственных и 3 горных академиях их численность достигла 1247 человек, или 10% всего контингента студентов этих учебных заведений и 44% той части, что состояла из иностранцев [21, с. 94].

В основной массе абитуриенты, прибывшие из России в Германию за престижным инженерным образованием, весьма ценным на родине, стремились поступить в государственные политехнические институты — многопрофильные по факультетной структуре, приуроченной к самоновейшим по-требностям всей совокупности отраслей экономики в специалистах, владеющих наисовременнейшими технологиями и организационными знаниями.

С 1899 г. государственные политехникумы и монопрофильные инженерные институты (горные, электротехнические) стали присваивать своим выпускникам звание «дипломированный инженер» по сдаче «предварительных» экзаменов (по общим вспомогательным наукам) и «специального» испытания по группе предметов, составлявших основу избранной специализации [5, с. 20–21]. Такой диплом было легче юридически конвертировать в России, где чрезвычайно высок был авторитет германской инженерии, нежели дипломы негосударственных политехникумов в Берлине (там, кстати, учились «русские»), Фридберге, Франкенгаузене, Инженерной школы в Цвикау.

В 1901 г. в 9 германских политехникумах обучалось 750 человек, прибывших из России [16, с. 19], в 1909 г. этот показатель, теперь уже по 10 политехникумам, превысил 1 тыс. человек [21, с. 94]. К их услугам были факультеты

* Аналогичная ситуация сложилась и в 1908 г., когда аннексия Австрией Боснии и Герцеговины поставила Россию на грань войны с Германией и Австро-Венгрией. По свидетельству Д. Марголина, в это время «положение русских стало невыносимо вследствие преследования немецкими буршами» [21, с. 92].

(отделения): инженеров путей сообщения, машиностроительные, кораблестроительные, горнозаводские, химические, электротехнический, архитектурные, агрономический, лесной.

Какие из них притягивали наибольшее число студентов из России? На рубеже веков это были фабрично-заводские факультеты — механический и химический, выпускники которых находили достойный спрос в отечественной промышленности. Об этом, во всяком случае, свидетельствуют данные на 1897 г. о распределении по факультетам Берлинского-Шарлоттенбургского политехникума «русских» его студентов (119 человек из 252 иностранцев): на механическом училось 67%, на химическом — 25%, остальные 8% дробились между архитектурным, строительным и кораблестроительным отделениями [27, с. 98]. Можно предполагать, что с течением времени востребованность прочих специализаций, сообщавшихся немецкими политехниками, существенно возросла. Ведь все они становились актуальными для быстро развивающейся, дробившейся на многие отрасли экономики России. Это — во-первых. А во-вторых, созданные по образу и подобию германских российские политехникумы, попасть в которые мечтал, безусловно, почти каждый из приехавших в Германию, предлагали своим студентам примерно тот же набор инженерных специальностей.

Об иерархии предпочтений студентов из России в выборе германских политехнических институтов, в которых они хотели бы учиться, дает представление таблица 2.

Таблица 2

Численность российских студентов в политехнических институтах Германии (по состоянию на 1909/1910 учебный год, см. [21, с. 94])

№ п/п	Политехникумы	Число студентов из России	Число студентов-иностранцев	Общее число студентов	Доля «русских» в %	
					в общем числе студентов	в числе студентов-иностранцев
1.	Дармштадтский	324	420	1245	26,0	77,1
2.	Карлсруэ	298	500	1220	24,4	59,6
3.	Мюнхенский	213	664	2353	9,0	32,0
4.	Дрезденский	95	223	892	10,7	42,6
5.	Берлинский	61	392	2120	2,9	15,6
6.	Брауншвейгский	51	63	427	12,0	81,0
7.	Данцигский	17	27	647	2,6	63,0
8.	Аахенский	7	87	571	1,2	8,0
9.	Ганноверский	6	46	879	0,7	13,0
10.	Штутгартский	2	45	874	0,2	4,4
Итого:		1074	2467	11228	9,6	43,5

Поступали студенты из России и в знаменитую еще с ломоносовских времен Королевскую горную академию во Фрайбурге. В 1897 г. их число перешагнуло за 80 человек (30% всех ее студентов) [15, с. 13]. В 1909 г. оно равнялось 124 человекам (31% всех учащихся Академии и 55,6% учившихся в ней иностранцев) [21, с. 46]. В Горной же академии Клаусталя в 1909 г. было всего 6 российских студентов [21, с. 46]; кстати, столько же их было здесь в 1897 г. [15, с. 17].

Могли российские студенты учиться и в таких ультрасовременных инженерных учебных заведениях, как электротехнические институты в Данциге, Штутгарте, Брауншвейге, Ганновере и др. Сведения об этих высших учебных заведениях содержатся в справочниках Марголина (правда, без данных о пребывании в них «русских»).

Наименьшим спросом у приезжей из России молодежи пользовалось агрономическое образование. Всего 43 ее представителя в 1909 г. учились в сельскохозяйственных академиях Берлина и Бонна-Поппельсдорфа [21, с. 46].

Встречались «русские» и в высших коммерческих школах, например в Берлинском купеческом университете [21, с. 56].

Каким требованиям должна была отвечать общеобразовательная подготовка российских абитуриентов, поступавших в народно-хозяйственные институты Германии? На протяжении второй половины XIX в. их так же, как и германских подданных, принимали без проверочных экзаменов, на основании только аттестата зрелости для выпускников классических гимназий, свидетельств об окончании реального училища (даже шести, а не семи его классов) и прочих средних учебных заведений.

В 1898 г. в самом известном в Германии имперском политехникуме — Берлинском-Шарлоттенбургском политехническом институте — устанавливается новый порядок приема «русских». Отныне, помимо документов о среднем образовании, они должны были предъявлять свидетельство о выдержании конкурсного испытания в одном из инженерных институтов России. С 1904 г. эта безусловно ограничительная мера была введена в практику всех без исключения государственных народно-хозяйственных институтов постановлением всегерманского совещания руководителей высшего технического образования в Ейзенахе [28, с. 74]. Но и в данном случае политехникум в Берлине оказался впереди, введя в правило требовать от абитуриентов из России свидетельства о пребывании их студентами в любом из российских политехнических институтов [21, с. 47].

В последующем «действительными» студентами политехникумов и прочих инженерных школ могли стать только те из «русских», кто окончил классическую гимназию. «Реалисты» же и выпускники прочих средних учебных заведений получали статус «нерегулярного студента» («госпитанта»), хотя прохождение ими курса наук протекало так же, как у «действительных» студентов, и венчалось вручением инженерного диплома [21, с. 46]. Данное нововведение не отменяло необходимости предъявления конкурсного свидетельства. Этим, однако, антирусские меры не ограничивались. Постепенно, один за одним, политехнические институты вовсе пре-

крашают прием российских абитуриентов. В 1913 г. для последних оставались открытыми только политехникумы Аахена, Дармштадта, Карлсруэ [25, л. 12].

Более доступными для россиян были неправительственные инженерные и высшие коммерческие школы. При поступлении туда, помимо документов, подтверждавших у абитуриента наличие среднего образования, требовалось свидетельство о прохождении «предварительной технической практики».

Женщины в государственные и в большинство неправительственных высших учебных заведений принимались вольнослушательницами.

Российским абитуриентам, поступавшим в университеты либо народно-хозяйственные институты, надо было не только быть готовыми к неожиданностям, связанным с их документами об образовании, но еще и соответствовать ряду требований чисто охранительного свойства, едва ли предъявлявшихся абитуриентам из других стран, кроме славянских. Во-первых, иметь безукоризненную политическую репутацию, подтвержденную полицейским «свидетельством о благонадежности», выданным на родине и удостоверенным российским консулом. Во-вторых, иметь документальное доказательство своей финансовой дееспособности для проживания и учебы в Германии*. В-третьих, от женщин требовалось еще и письменное разрешение родителей на поступление дочери в германское высшее учебное заведение. Кстати, аналогичный документ предъявлялся и мужчинами при поступлении во Фрайбургскую горную академию [5, с. 13, 19, 46; 28, с. 75].

С конца XIX в. студенты из России жили в обстановке откровенной дискриминации. С учившихся в университетах, помимо полагавшейся платы, ежегодно взимали по 100 марок на том основании, что иностранцы в российских университетах — редкое исключение, русские же в немецких — широко распространенное явление. В лекционных аудиториях им запрещалось занимать наиболее удобные первые три ряда, отводимые только для немцев. С 1904 г. они могли забронировать места в лабораториях и чертежных кабинетах только спустя две недели после начала записи на них, пропуская вперед немецких коллег**. Все это предпринималось «для предоставления больших льгот германским гражданам перед иностранцами» [28, с. 75].

Бывали случаи, когда на почве дележки мест в лабораториях и клиниках между немецкими и российскими студентами вспыхивали столкновения, перераставшие в громкие скандалы, приобретающие общественный резонанс. В 1900 г. в Мюнхенском политехникуме разразился такой скандал, получивший продолжение на страницах печати. Местные студенты требовали: «обеспечить места сначала немцам, по примеру Берлина» (политехникум в Шарлоттенбурге. — *А. И.*), сделать более строгими условия при-

* Принятого в высшее учебное заведение студента вызывали в полицейское бюро, где подвергали детальнейшему допросу. Он должен был с помощью почтовых квитанций, банковских счетов доказать свою кредитоспособность. Если полиция не удовлетворялась его объяснениями на этот счет, то он мог быть даже выслан на родину (из Пруссии, например, на 49 лет) [21, с. 23].

** На занятое место приклеивалась визитная карточка студента, который пользовался им до конца семестра. И так до завершения полного курса.

ема «иностранцев», особенно «славян», плохо владеющих немецким языком, отличающихся «нестуденческим, невежливым поведением» [6, с. 23].

В 1912 г. в Галльском университете вспыхнула забастовка немецких студентов, недовольных распределением лабораторных мест. Немецкая студенческая организация добилась от университетского Сената разработки антирусских ограничительных мер [20, с. 32].

Российские студенты подвергались постоянным нападениям со стороны большинства своих бюргеризированных, объединенных в корпорации немецких коллег, пылавших враждой к «иностранцам», нарушавшим, как им казалось (нередко не без оснований), академический комфорт. Вместе с тем настроения ксенофобии, которые владели ими, имели однонаправленный характер. Вопрос об «иностранцах» был для них, в первую очередь, вопросом о студентах из России. «Под словом „иностранцы“ нужно понимать — русские и только русские»*, — заявляли они. Их нелюбовь к «русским» была многомерной. Во-первых, она отражала культивируемую имперской идеологией германского государства враждебность молодых немцев к славянским народам в целом, включая русский. Студентов из славянских стран они именовали «чехами», «славянами», произнося эти слова, словно презрительную кличку [24, с. 7]. Эта враждебность явственно демонстрировалась по отношению к «русским» полякам (приехавшим из Российской Империи), немалое число которых обреталось в немецкой высшей школе, в частности в Берлинском политехническом институте (Шарлоттенбург) рубежа веков.

Во-вторых, нелюбовь к «русским» коллегам со стороны немецкого студенчества выражалась в антисемитизме — неприятии «русских» студентов-евреев, составлявших большинство в академических колониях российско-подданной молодежи. В 1890 г. немецкие студенты Шарлоттенбургского политехникума подали ректору петицию с требованием «удалить русско-еврейских студентов и не принимать более ни одного из них». Не добившись своего от ректора, они переправили петицию в Министерство просвещения, правда, также безрезультатно [6, с. 20]. В последующие годы эти шовинистические настроения не только не иссякли, но даже заметно усилились. В феврале 1913 г. съезд российского студенчества констатировал, что враждебность немецких студентов к «русским», особенно учившимся на медицинских факультетах университетов, имеет откровенно антисемитскую подоплеку [25, л. 12].

В-третьих, психологическая несовместимость германского и российского студенчества имела и социально-бытовую подоснову. Ее существо точно, словно формулу, определил Д. Марголин: «Необеспеченность русских — одна из причин отрицательного к ним отношения в Германии» [21, с. 92]. «...Русские в большинстве своем бедствуют здесь. Многие живут в сквер-

* Такие настроения не свойственны были той части немецких студентов, которые не входили в корпорации и именовались «дикими». Это была демократическая по своему происхождению и материальному достатку молодежь, которая поддерживала дружественные отношения со своими товарищами по учебе из других стран. Однако ее влияние на академическую жизнь было неизмеримо меньшим, чем корпорантов (см. [10, с. 100]).

ных и холодных комнатах у рабочих», — вспоминал Г. Гроссер, прибывший на учебу в Германию в 1906 г. или 1907 г. А далее мемуарист передает содержание весьма примечательного разговора со студентом-корпорантом. На вопрос о причинах «презрительного отношения» к российским учащимся со стороны немецких коллег тот без обиняков ответил:

Мы русских терпеть не можем, они низводят университет с его аристократической традицией с высокого пьедестала и стремятся сблизить его с грязными представителями рабочих кварталов. Они ходят грязно, как рабочие, возвращающиеся с фабрик, да и дружат с последними, точно сами чернорабочие, а не студенты [10, с. 87–88].

Чопорных корпорантов шокировала раскованность поведения «русских» (например, манера коллективно-громко разговаривать в университетских коридорах), их обыкновение опаздывать на занятия (таких встречали всеобщим шарканьем ногами об пол), неприятие ими корпорантских обычаев, их политизированность («они чуть ли не все... социалисты, а значит, и враги наши») [21, с. 92].

Д. Марголин обратил внимание на примечательнейший факт «более терпимого отношения» к «русским» со стороны студентов и профессоров в южногерманских высших учебных заведениях (в Карлсруэ, Страсбурге, Дармштадте, Гейдельберге, Фрайбурге, Мюнхене), куда стекалась «более обеспеченная публика» с ежемесячным бюджетом в 40–50 руб., с одной стороны, и «весьма дурного» их отношения к менее обеспеченным россиянам с бюджетом в 30–35 руб., которые в основном «ютились» в высших учебных заведениях Восточной Германии (Пруссия, Саксония), — с другой.

И, наконец, в-четвертых: фактором, подогревавшим ксенофобские инстинкты германского студенчества, была тревога за свою профессиональную судьбу. В иностранных, в первую очередь российских, коллегам они видели будущих конкурентов, которые в скором времени начнут «вытеснять» немецких инженеров из тех мест за границей (вне Германии), где они прежде имели широкое и выгодное поле деятельности» [6, с. 27].

В связи с этим нелишне подчеркнуть, что проблема «русских» в немецкой высшей школе не замыкалась в академических рамках, а входила в противоречие с внешнеэкономическими приоритетами Германской империи. В 1900 г. мюнхенская *«Münchener Neuete Nachrichten»* писала:

Большая опасность, лежащая в самом по себе лестном для Германии усердии, с которым иностранцы посещают наши высшие технические учебные заведения, — кроется, главным образом, в том, что знания, здесь приобретенные, могут быть применены к соперничеству с германской промышленностью... Мы, так сказать, обучаем за границу изготовлению тех орудий, которым мы обязаны нашими успехами и с которыми она потом будет побеждать нас на мировом рынке [6, с. 27–28].

Это утверждение было постулировано германской шовинизированной прессой в 1913 г., накануне первой мировой войны, в обоснование правительственного решения о закрытии для «русских» имперских университетов:

Новая мера имеет чисто оборонительный характер, ибо Германии нет необходимости облегчать России обучение ее «умственного пролетариата» [25, л. 13].

Радужно в Германии принимали российско-подданных молодых людей немецкой национальности. Поступивший на юридический факультет Иенского университета Г. Гроссер был встречен как желанный гость членами корпорации «Алания», поскольку имел рекомендацию ее бывшего президента доктора Грубера. Ему сразу же была оказана помощь в устройстве на постой в тихом районе, в чистой квартире с «хорошенькой хозяйкой» [10, с. 27–28].

Немцев-иностранцев, в том числе и из России, всячески поощряли к возвращению на историческую родину сначала студентами германских высших учебных заведений, а по завершении учения — желанными работниками высшей квалификации. В опубликованной в 1900 г. брошюре «Наши высшие учебные заведения и запросы XX столетия» ректор Берлинского политехникума проф. Ридлер писал:

Многие иностранцы, которым мы даем техническое образование, остаются в Германии — прилив молодежи из северных стран и остзейских провинций России приносит нам много нужных сил. Остальные же, лезущие к нам массами из России, в большинстве своем весьма нежелательны [6, с. 21].

Швейцария

Швейцария была старейшим после Германии партнером Российской Империи в академической сфере. С 60-х гг. XIX в. ее политехникум и университет в Цюрихе стали центрами притяжения российской молодежи, разными обстоятельствами лишенной высшего образования на родине. В ту пору это были в основном женщины. Первая из них, Н. Сулова, поступила в Цюрихский университет в 1863 г. (в 1868 г. удостоена там же докторского диплома). В 1871 г. здесь обучалось уже 17 российских женщин; в 1872 г. — 104 при общей численности «русских» 182 человека (а всего в университете состояли 462 человека) [29, с. 72]. К 1873 г. в университете и политехникуме Цюриха сконцентрировалось 300 студентов из России, в том числе 103 женщины [30, л. 25].

Швейцария тогда была единственной европейской страной, в которой женщины наравне с мужчинами учились в высших учебных заведениях. Вот почему на протяжении второй половины XIX в. — начала XX в. довольно многолюдная российская студенческая колония при швейцарской высшей школе оставалась в значительной степени женской по составу.

Предоставляя российским абитуриентам неизмеримо меньший, в сравнении с Германией, выбор учебных заведений, Швейцария только ей одной уступала в количестве студентов из России. По весьма приблизительным данным справочника Д. Марголина на 1909 г., в швейцарских университетах — Базельском, Цюрихском, Бернском, Лозаннском, Женевском — их было 2553 человека [5, с. 100]. Они составляли 41,2% совокупного студенче-

ского контингента (6197 человек) этих высших учебных заведений*. Примечательный факт: в университетах Лозанны и Женевы «русских» обучалось даже больше, чем «туземных» студентов. В первом на 300 швейцарцев приходилось 457 человек из России (60, 4%). Во втором это соотношение было еще более благоприятным для россиян — 210 человек на 671 (76,2%).

Не столь разительной, но все же впечатляющей представляется динамика возрастания представительства российских студентов в Бернском университете: в 1900 г. — 214 человек из 1146 (22%); в 1902 г. — 402 человека из 1146 (35%); в 1905 г. — 636 человек из 1528 (41%); в 1907 г. — 709 человек из 1761 (41%) [31, с. 69]. Популярность этого университета среди российской молодежи не иссякла и в последующие годы. Это явствует, например, из заявления М. М. Ковалевского на одном из заседаний Государственного совета в 1913 г.: «Я узнал из сообщения моего товарища по преподаванию в Берне.... что на его лекциях собирается одних русских студентов 400 человек» [32].

В 1902 г. в Цюрихском университете обучалось 223 «русских», а пять лет спустя, в 1907 г., — уже 480. Налицо фактическое удвоение их численности [31, с. 69].

Конечно, приведенные нами разрозненные по хронологии данные невозможно свести к общему итогу, но, думается, и они впечатляюще иллюстрируют масштабность роли Швейцарии в подготовке дипломированных специалистов из России.

Как явствует из таблицы 3, прибывавшая оттуда молодежь предпочитала те факультеты швейцарских университетов, которые соответствовали отечественным. Ветеринарные и богословские их не привлекали. Диплом об окончании медицинского и физико-математического факультетов в Российской Империи давал известную гарантию стабильности материального, правового, общественного положения, что было особо значимо для женщин и, отчасти, для «лиц иудейского исповедания», ущемленных в своих общегражданских правах. Врачебная специальность была особенно привлекательна для российских женщин, которых не жаловали в германских университетах (впрочем, как и в собственных). Этим и объяснялось их преобладание среди соотечественников-«медиков» (77,5%), учившихся в Цюрихе и Берне, да и в прочих швейцарских университетах. В 1909 г., например, в университете Женевы из 484 «медиков» 362 (75%) были российско-подданные, опять же в основном женщины [21, с. 100].

Абитуриентов из России, искавших в Швейцарии высшего естественно-научного образования, привлекала не только перспектива стать учителями средней школы, но, несомненно, и высокая репутация научных школ, сложившихся на физико-математических факультетах местных университетов. Такими школами, особенно химической, славился, например, Женевский университет. Относительная непопулярность среди «русских» юриди-

* Эти же данные включены и в справочник на 1915 г. [21, с. 123]. В целом сообщаемая справочниками Д. Марголина статистика о количестве «русских» совпадает с данными, приведенными в статье Ф. Эрисмана «Из жизни русских студентов в швейцарских университетах» [31, с. 134].

ческого и историко-филологического факультетов объясняется существенным несовпадением их учебных программ с действовавшими в российских университетах. Это, естественно, порождало огромные трудности с обретением служебных прав в России по полученным в Швейцарии дипломам. К тому же юриспруденция не привлекала российских женщин из-за невозможности работать по этой специальности на родине, а историко-филологический факультет был самым непопулярным среди российских мужчин.

Таблица 3
Распределение российских студентов и студенток по факультетам университетов Берна и Цюриха в 1906/1907 учебном году (по [31, с. 70])

Университеты	Факультеты							
	Медицинский		Физико-математический		Юридический		Историко-филологический	
	Всего "русских"	В т.ч. женщин	Всего "русских"	В т.ч. женщин	Всего "русских"	В т.ч. женщин	Всего "русских"	В т.ч. женщин
Бернский	376	329 (87,5%)	224	71 (31,7%)	14	2 (14,2%)	—	—
Цюрихский	225	137 (61%)	125	30 (24%)	49	9 (18,4%)	28	13 (46,4%)
Итого	601	466 (77,5%)	349	101 (29%)	63	11 (17,5%)	28	13 (46,4%)

Обучались студенты из России и в одном из лучших в Европе политехническом институте — Цюрихском. В 1897 г. таковых здесь было 40 человек. Их присутствие обнаруживается, исключая строительный, на всех факультетах: инженерном, механико-техническом, фармацевтическом, сельскохозяйственном, математическом, естественном, химико-техническом [27, с. 98]*. В то время это была едва ли не единственная в Европе инженерная школа, принимавшая полноправными студентами женщин, в том числе и российских, не смевших тогда и мечтать об инженерном образовании на родине.

С течением времени структура факультетов Цюрихского политехникума существенно поменялась. Ряд специализаций были упразднены, иные укрупнены, а некоторые введены впервые, как, например, военно-научная, общеобразовательная и философская. Но главное достоинство Цюрихского политехникума, привлекавшее российских абитуриентов — высочайший уровень преподавания машиностроения, фабрично-заводской инженерии, в первую очередь химико-технологической — сохранялось в неприкосновенности. Эти специализации, в первую очередь, и привлекали российскую учащуюся молодежь, мужчин и женщин, в столь престижное по европейским стандартам высшее учебное заведение.

* Данными за последующие годы автор, к сожалению, не располагает.

Каковы же были условия приема российских абитуриентов в университеты Швейцарии? На протяжении второй половины XIX в. — более чем облегченные. От них не требовался даже аттестат зрелости. Университетская администрация удовлетворялась свидетельством о примерном поведении абитуриента в средней школе. Такие льготы предоставлялись только российским подданным. Швейцарские, чтобы стать универсантами, все-непременно предъявляли аттестат зрелости. Фактически процедура зачисления в университет ограничивалась для абитуриентов из России устным заявлением ректору об обязательстве добровольно следовать установленным академическим распоряжкам в годы своего учения [29, с. 72].

Столь благоприятные приемные условия сделали университеты Швейцарии чрезвычайно популярными среди российской молодежи, и особенно женщин, чувствовавших себя там в высшей степени равноправно с мужчинами. На рубеже веков аудитории швейцарских университетов, особенно в Берне и Цюрихе, были настолько переполнены «русскими», что потребовались специальные меры, регулировавшие их численность в пользу швейцарских студентов, оказавшихся в ситуации явного академического дискомфорта.

Для абитуриентов из России были введены в действие новые правила приема в университеты. От них стали требовать обязательного удостоверения о полученном среднем образовании, непременно в пределах полного курса классической гимназии. Это нововведение было направлено против женского большинства. Если «лицам мужского пола» полагалось всего лишь предъявить аттестат зрелости, то женщин ждали куда большие хлопоты. Об этом обстоятельно рассказывает в своих мемуарах студентка медицинского факультета Цюрихского университета Н. Кирпичникова. Она вспоминает, как летом 1902 г. приехала в Цюрих:

На душе у меня было беспокойно, меня мучил вопрос: буду ли я принята, или нет? Я знаю, с этого года здесь вступили в силу новые правила, требования для желающих поступить в университет были очень повышены, поэтому вся масса русских, главным образом женщин, устремилась в Берн, где, как говорили, принимали только по паспорту [33, с. 1].

Прием в университет осуществлял сам ректор. Он лично беседовал с каждым из абитуриентов, знакомился с удостоверяющими его личность документами. Так было и с Кирпичниковой, предъявившей аттестат об окончании с золотой медалью («ректор считал это условие очень важным» [33, с. 7]) женской министерской гимназии, с ее дополнительным восьмым педагогическим классом, дававшим профессиональную квалификацию «домашней наставницы». Выполнила она и еще одно требование новых приемных правил — выдержала экзамен по латыни в объеме полного восьмилетнего курса мужской классической гимназии. Казалось, все складывалось, как нельзя лучше. Но ректор вдруг выдвинул неожиданное для абитуриентки требование — предоставить официальное подтверждение факта ее трехлетней педагогической работы в гимназии. Пришлось срочно запра-

шивать в России требуемый документ. После его получения через 10 дней (так тогда работала почта!) процедура приема наконец завершилась. Кирпичникова стала студенткой медицинского факультета Цюрихского университета. Правда, с предупреждением, что для получения докторского диплома должна в течение года выдержать экзамены на швейцарский аттестат зрелости. «Придя домой, — вспоминала она, — принялась за Цицерона: ввиду экзамена латынь все-таки не следовало забывать» [33, с. 7].

Новые приемные правила не отвадили российских абитуриентов от швейцарских университетов — во всяком случае, в той мере, на какую рассчитывала академическая администрация. Ее дальнейшие поиски на этой стезе активизировались протестами швейцарско-подданных студентов, по свидетельству профессора Ф. Эрисмана, «до известной степени вытесненных или, по крайней мере, сильно стесненных чуждым для них российским элементом». Они старались «крепче занять позицию хозяев университета, не допуская дальнейшего нашествия» [31, с. 145].

В 1907 г. в общешвейцарской студенческой газете «Академия» публикуется статья «Несколько слов к обрусению наших университетов». В ней писалось о растлевающем влиянии «русских» на университетский учебный строй, поскольку они переполняют лекции на физико-математическом и естественном отделениях философского и особенно на медицинском факультетах, а швейцарцы занимают места «где-нибудь в углу на собственноручно притасенном ящике, зная, что в то же время на лучших местах сидят люди, не заплатившие ни сантима за посещение лекций».

Эта публикация, точно воплотившая в печатном слове всю степень недовольства студентов-швейцарцев своим академическим бытом, побудила ректоров университетов Швейцарии к обсуждению назревшей проблемы во имя коллективного ее решения. На своем съезде они постановили ввести для «русских» абитуриентов на каждом факультете вступительные экзамены: по латыни и немецкому языку (на историко-филологическом отделении — еще и по французскому), а также по двум (на историко-филологическом отделении — по одному) профилирующим предметам по выбору — правда, с одобрения ректора. Однако только в Цюрихском университете это постановление было принято к исполнению. В прочих — все осталось по-прежнему [31, с. 145–146].

Не вдохновились ректоры швейцарских университетов и опытом своего базельского коллеги, который во вверенный его попечению университет «русских» принимал только в «исключительных случаях» [31, с. 145].

Большими строгостями обставлялась процедура приема, особенно для нешвейцарцев, в Цюрихский политехнический институт. Те абитуриенты, чьи аттестаты о среднем образовании не признавались равнозначными швейцарским, сдавали сложные вступительные экзамены. Через это проходили многие иностранцы, включая и «русских».

От российских абитуриентов требовались аттестат зрелости и свидетельство о сдаче экзаменов по латинскому языку по программе полного курса мужской классической гимназии (7 классов) [5, с. 113]. Так было до

1910 г. Позднее в обязательный для них комплект приемных документов, сверх вышеуказанных, включались еще и свидетельства об окончании 8-го, педагогического, класса женской классической гимназии, а также о сдаче экзамена по математике за курс реального училища [34, с. 92].

В целом можно заключить, что антирусские настроения в университетах Швейцарии были окрашены в чисто академические тона, в палитре которых отсутствовал черный шовинизм, поразивший высшую школу Германии. В целом студенты-швейцарцы не испытывали неприязни к «русским» как к таковым, если те не нарушали комфортных условий учебы. Н. Кирпичникова так и пишет в своем мемуаре:

Отношения со швейцарскими студентами у нас были очень недурные — говорят, от того, что в Цюрихском университете русских учащихся женщин мало и мы им не мешаем (не то, по-видимому, в Берне, где иностранцы — или, вернее, иностранки, — преобладающий элемент) [33, с. 4].

Все это, однако, не означало абсолютной гармонии взаимоотношений. Швейцарцев раздражало абсолютное нежелание «русских» считаться с местными бытовыми ограничениями («ферботами»): не рвать чужие цветы, не шуметь после 11-ти вечера, не входить в аудиторию во время лекций.

Как же, я думал, что в Швейцарии полная свобода, а тут на каждом шагу «фербот».

Обыкновение задерживать квартирную плату и даже вовсе уклоняться от этого посредством «таинственного исчезновения» создавала для молодых людей из России трудности с наймом квартир. Они часто слышали от квартиросдатчиков: «Для русских у меня нет комнат» [31, с. 136].

Франция

Как и любому иностранно-подданному, абитуриенту из России можно было поступить во французский университет, только имея французский же аттестат зрелости, дающий звание «бакалавр». Получали таковой, сдав платные экзамены на словесном или естественном факультетах одного из университетов Франции.

Российские женщины с аттестатом зрелости (7 гимназических классов) могли рассчитывать на льготу — освобождение от экзаменационной повинности, но только с санкции французского Министерства народного просвещения [34, с. 91].

«Русские» традиционно стремились в университеты Парижа, Нанси, Монпелье. В самой для них желанной Сорбонне — Парижском университете в 1911 г. состояло 1,6 тыс. студентов и студенток из России, что составляло почти половину иностранцев, учившихся здесь, и 20% всего студенческого контингента (8 тыс. человек) этого distinguished учебного заведения. 512 россиян пребывали на историко-филологическом факультете, где в основном изучали историю французской культуры. Преобладали они и среди 250 иностранцев, изучавших юриспруденцию. Около 250 «русских»

занимались естественными науками. Первенствовали они и среди иностранцев-«медиков».

В университете в Нанси студенты из России учились на медицинском, юридическом, физико-математическом, электротехническом, философском факультетах, а также в действовавших при нем фармацевтическом и химическом институтах. В 1903 г. их было всего 7 человек, а в 1908 — уже 450. Столь быстрый рост популярности этого высшего учебного заведения среди «русских», по компетентному мнению Д. Марголина, предопределялся чрезвычайно высоким уровнем преподавания, установившимся с 1900 г. (при ректоре Бише), и «прекрасными, чисто дружескими» отношениями, бытовавшими здесь между преподавателями и студенчеством: «Профессора всемерно интересуются успехами своих учеников, всячески заботятся, чтобы время, проведенное ими в университете, прошло для них не бесследно..., входят в положение нуждающихся студентов [5, с. 185].

В Нанси «русских» привлекал и Электротехнический институт с прекрасно оборудованными лабораториями и высококвалифицированной преподавательской коллегией. В 1907 г. здесь обучалось 49 человек из России. Для поступления в это учебное заведение им пришлось преодолеть очень непростые приемные испытания по программе двух первых курсов российских инженерных институтов [5, с. 184].

В справочнике Д. Марголина за 1913/1914 учебный год была помещена информация об обращении Лионского общества студентов из России к своим соотечественникам, намеревавшимся отправиться на учебу во Францию, с призывом не избирать традиционно излюбленные «русскими» университеты, а проследовать в университетские города с немногочисленными «русскими колониями»: в Гренобль (в 1907 г. — 49 человек) [21, с. 237], Лион (в 1913 г. — 35 человек), Лилль, Бордо, Алжир, Тур. Здесь же указывалось, что, вопреки постановлению некоего съезда французских студентов, никаких ограничений по отношению к иностранцам в университетах Франции не ожидается. Лионское общество призывало своих сограждан «дорожить гостеприимством Франции... и стараться не стеснять французских студентов, и без того склонных враждебно относиться к русским товарищам» [25, л. 15].

Из письма исполнявшего обязанности министра внутренних дел Российской Империи М. Н. Морозова к министру народного просвещения Л. А. Кассо от 19 ноября 1913 г. узнаем, что это обращение было вызвано неизбежной переориентацией российско-зарубежных абитуриентов на университеты Франции в связи с препонами, чинимыми им в Германии и Австрии.

Бельгия

В начале XX в. Бельгия была самой гостеприимной по отношению к иностранным студентам из принимавших их стран Западной Европы. «Отношение к русским и, особенно, к женщинам со стороны профессоров

очень хорошее. Не нужно, как в Германии, Австрии и пр. ни свидетельств о благонадежности, ни даже паспортов, и русские чувствуют себя свободными от вечного полицейского надзора, который так раздражает почти повсюду на континенте». Так была отрекомендована академическая Бельгия в справочнике Д. Марголина 1909 (с. 130) и 1915 (с. 159) годов изданий.

В своем большинстве российские абитуриенты отправлялись в эту страну ради получения инженерно-промышленного, коммерческого образования либо в специальных институтах, либо на соответствующих факультетах университетов Льежа, Гента, Брюсселя и даже пуританского католического Лувенского [5, с. 154]. В последнем, например, к 1913 г. рядом с традиционными, включая теологический, факультетами сложились и процветали такие народно-хозяйственные школы, как горная, гражданских инженеров, электротехническая, архитектурная, земледельческая, пивоваренная, «прикладных знаний» [21, с. 155].

По данным справочника Д. Марголина, в 1907 г. в Бельгии пребывало 1173 студента из России [5, с. 154]. Их колонии различной численности действовали во всех центрах бельгийского высшего образования: крупнейшая, в 700 человек, — в Льеже с государственным университетом (в структуру которого входил популярный среди «русских» технический факультет), а также «школами» — Высшей горного дела и промышленности (политехникум), Горной, частной Высшей политехнической, Консульской (и коммерческой); 125 человек — в Антверпене с расположенными здесь коммерческой Академией и Институтом им. св. Игнасия, а также консерваторией; 85 человек — в Брюсселе с двумя неправительственными университетами — «Новым» и «Свободным», Химическим институтом, а также Королевской консерваторией и Королевской же академией изящных искусств; 80 человек в провинциальном Монсе с промышленным и горным институтом (где преподавался даже русский язык, поскольку немалое число его выпускников служили на многочисленных русско-бельгийских предприятиях), а также Консульской (и коммерческой) школой; 25 человек — в Генте, где действовали университет со школой гражданских инженеров и прикладного знания при его математическом отделении, а также Институт пивоварения и консерватория; 20 человек — в Промышленном институте Шарлеруа; 12 человек — в Высшем техническом институте (бывшая Высшая школа волокнистых веществ), настолько «прекрасно поставленном», что он пользовался популярностью у германских студентов, имевших на родине широкий выбор инженерных институтов; 8 человек — в Лувене с его неправительственным католическим университетом и Консульской (коммерческой) школой; 5 человек — в Высшем сельскохозяйственном институте г. Жамблю [5, с. 154] и т. д.

Прием в бельгийские высшие учебные заведения иностранцев осуществлялся без каких бы то ни было специальных, отсеивавших «русских» усложнений, как, скажем, в Германии и Швейцарии. Для поступления в университеты, куда женщин принимали наравне с мужчинами, достаточно было предъявить аттестат зрелости (принимались также женщины, окончившие

епархиальное училище). В народно-хозяйственные институты поступали, сдавая вступительные экзамены, не предъявляя даже свидетельства о среднем образовании [5, с. 139, 155].

Италия

Миграция студентов из России в эту страну началась после первой русской революции, когда Германия и Швейцария исчерпали возможности поглощать своей академической сферой год от года возрастающие волны зарубежных абитуриентов, особенно многочисленных в российской их части, и все энергичнее манипулировали ограничительными против них мерами.

Высшая школа Италии не была отягощена грузом подобных проблем, а ее университеты готовы были безо всяких ограничений принимать российских студентов и студенток только по свидетельству о среднем образовании на любой из своих факультетов — юридический, медико-хирургический, физико-математический, философский, а в Римском королевском университете — еще и инженерный. «...Первые пионеры, — писал Д. Марголин в своем справочнике, — рассеяли предубеждение о низком ученом и учебном уровне итальянского образования. Узнали, что в итальянских университетах имеются такие крупные имена в области права, экономики, истории, которыми страна справедливо гордится, и что уровень итальянского профессора, во всяком случае, не ниже его российских коллег». Своим интенсивным научно-педагогическим трудом они компенсировали известную бедность лабораторно-клинической базы итальянских университетов [21, с. 250].

По данным, собранным студенческим Толстовским обществом (Рим), в 1914 г. в Италии училось всего 250 студентов из России. Большинство из них осело в университетах Рима и Неаполя, а также Миланском (50 человек), Туринском (15 человек), Флорентийском (15 человек), Пизанском (19 человек), Генуэзском (9 человек). Учились «русские» и в Миланском политехникуме. «Отовсюду сообщают, — информировал своих читателей Д. Марголин, — о теплом отношении довольных ходом преподавания и местами подчеркивают строгость профессоров, но, опять-таки, строгость и требовательность ко всем учащимся вообще, а отнюдь не к русским, как к русским» [21, с. 251].

И все же Италия не стала, а скорее всего — не успела стать, подобно Германии и Швейцарии, академической Меккой российских студентов. Для формирования этой культурной традиции потребны были многие десятилетия.

Прочие страны, в которых учились студенты из России

Встречались российские студенты и в Австро-Венгрии. В основном это было поляки, по национально-патриотическим мотивам не пожелавшие получить высшее образование в России и стремившиеся, главным образом, в университеты, расположенные на территории Западной Польши — Краковский (Ягеллонский), Львовский (Ламбергский), на протяжении нескольких десятилетий фактически полонизированные по составу студен-

тов. Однако к 1913 г. вместе с университетами в Вене, где в 1907/1908 учебном году учились 324 «русских» [5, с. 138], а также в Граце, Праге они были закрыты для российско-подданных, так же как и имперские политехникумы, за исключением расположенного в Брюне [25, л. 13].

Свободно «русские» могли учиться в высших учебных заведениях Голландии и скандинавских стран, но там их представительство ограничивалось единицами. Не вдохновлялись российские абитуриенты и возможностью получить высшее образование в знаменитых английских Кембридже и Оксфорде: во-первых, из-за непомерно высокой платы за учение в них, во-вторых, из-за непривычных для русской интеллигентной молодежи строгостей их внутренних распорядков. «Папа, да это не университет, это самая настоящая гимназия!» — в отчаянии писал домой «русский» студент Кембриджского университета в 1908 г. [35, с. 4].

* * *

Итак, западноевропейская высшая школа немало потрудились на ниве подготовки кадров высшей квалификации для Российской Империи. Можно ли квалифицировать данное культурно-историческое явление как результат ее академического взаимодействия со странами Западной Европы? Ни в коем случае. Это был односторонний процесс. Российская молодежь, по разным причинам отторгнутая отечественной высшей школой, ежегодно, на протяжении второй половины XIX — XX вв. пополняла студенческий контингент лучших университетов и народно-хозяйственных институтов Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии и прочих стран Европы. В то же самое время в российских высших учебных заведениях численность студентов-иностранцев была ничтожной. К тому же это были, как правило, дети натурализовавшихся иностранных подданных, для которых Россия нередко была даже не второй, а просто родиной. Данное обстоятельство, кстати, было одной из причин, которая выдвигалась в качестве оправдания ограничений приема «русских» в высшую школу Германии. Его смысл формулировался следующим образом: «...Россия для немецкой молодежи не дает ничего, что могло бы быть сочтено эквивалентом жертвы, приносимой... для русской учащейся молодежи» [24, с. 18].

Приведенные выше факты интеграции России в европейское академическое пространство далеко не исчерпывают этой широкой культурно-исторической темы. Наиважнейшей в ее контексте является проблема адаптации российской учащейся молодежи к условиям жизни стран пребывания — материально-бытовым (жилье, питание, язык общения, стиль жизни, правила повседневного поведения и пр.), общественно-политическим, академическим («технология» получения знаний, внутрикорпоративные взаимоотношения с коллегами по учебе, дисциплинарно-административные распорядки и пр.). Накопленный поколениями российской интеллигенции опыт приспособления к условиям иноземной жизни оказался весьма кстати после октября 1917 г., когда произошел массовый исход людей науки и студенчества из России за границу.

Литература

1. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 217.
2. *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995.
3. *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX—начале XX в. М., 1991.
4. Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1907 г. СПб., 1909. Вед. № 6.
5. *Марголин Д.* Студенческий справочник. Ч. II: Руководство для поступающих во все высшие учебные заведения за границей. Киев, 1909.
6. *Милашевич Д.* Положение русской учащейся молодежи в Германии (Письмо из Мюнхена) // Образование. 1901. № 9.
7. РГИА. Ф. 726. Оп. 8. Д. 526.
8. *Бржосниовский А. П.* Психология германцев за 50 лет (Из истории образования русских за границей). Одесса, 1916.
9. *Иванов А. Е.* «Еврейский вопрос» и высшее образование в России (конец XIX — начало XX вв.) // Вестник еврейского университета в Москве. 1994. № 1(15).
10. *Гроссер Г. В.* В заграничном университете. Наброски. СПб., 1910.
11. *Лецинский Я.* Из материалов студенческой анкеты // Русская мысль. 1914. № 7.
12. *Щапов Н. М.* Семейная история и воспоминания. Рукопись из личного архива сына мемуариста — члена-корреспондента РАН Я. Н. Щапова.
13. *Иванов А. Е.* Варшавский университет в конце XIX — начале XX века // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX—начало XX вв.). Варшава, 1995.
14. *Иванов А. Е.* Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6.
15. Высшие горные школы за границей. СПб., 1897.
16. *Патон Е. О.* Воспоминания. Киев, 1955.
17. *Пастернак Б. Л.* Охранная грамота. Шопен. М., 1989.
18. Осип Мандельштам и Гейдельбергский университет // Минувшее. Исторический альманах. 1991. № 5.
19. *Иоффе А. Ф.* Моя жизнь и работа. Автобиографический очерк. Л., 1933.
20. РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 81.
21. *Марголин Д.* Справочник по высшему образованию. Ч. II: Руководство для поступающих во все высшие учебные заведения за границей. Пг.-Киев, 1915.
22. *Щапов Я. Н.* Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX в. // Исторические записки. 1987. № 115.
23. Студенческая жизнь. 1910. 28 ноября. № 39/15.
24. *Сукеников М.* Первый Конгресс русских студентов и студенток, учащихся за границей. Берлин, 1902.
25. РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 478.
26. Техническое образование. 1897. № 7.
27. Техническое образование. 1897. № 6.
28. Техническое образование. 1904. № 6.
29. *Базанов В. А., Владимирова Г. А.* «Русская колония» в Цюрихе // Советское здравоохранение. 1969. № 10.
30. РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 268.
31. *Эрисман Ф.* Из жизни русских студентов в швейцарских университетах // Вестник воспитания. 1907. № 9.
32. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия восьмая. СПб., 1913. Стб. 1740.
33. *Киртичникова Н.* Первый семестр в Цюрихе (письмо русской студентки). Одесса, 1902.
34. Новейший сборник программ и условий приема женщин в русские и заграничные высшие учебные заведения. СПб., 1910.
35. *Котляров А.* Заграничные университеты и наше воспитание. Киев, 1909.

Э. ЛАСЛО

ПУТИ, ВЕДУЩИЕ В ГРЯДУЩЕЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

2. Новые императивы

Независимо от того, знаем мы это или нет, в развитии общества, равно как и в эволюции природы, происходят грандиозные системные процессы. Новые науки о сложных системах и эволюции — кибернетика, общая теория систем, теория динамических систем (теория хаоса), общая теория эволюции и т. п. — говорят о том, что сложные системы, какова бы ни была их природа, развиваются, подчиняясь своей собственной внутренней логике. Их эволюция не случайна, хотя и не вполне предсказуема. В ней существует доминирующее направление — вероятность того, что после любого фундаментального преобразования возникают вполне определенные состояния и условия.

Мы живем в эпоху критических порогов и, следовательно, коренных преобразований. Поэтому особенно важное значение приобретает динамика эволюционных процессов. Эта динамика направлена в сторону большей структурной сложности, которая выражается в конвергенции существующих систем к системам нового, более высокого уровня (образуемым соотношениями между существующими системами), к большему динамизму, обусловленному доступностью (благодаря мощным современным технологиям) все возрастающих количеств свободной энергии, ко все более сложным формам коммуникации между различными частями системы (благодаря существующим ныне новым информационным и коммуникационным технологиям), к состоянию потенциально креативного хаоса с повышенной чувствительностью к другим системам в близкой и дальней окрестности — сообществам, культурам, предприятиям и поддерживающей жизнь окружающей среде**.

Немногое в наших силах, чтобы противостоять этим процессам; однако в общих интересах не противостоять, а — способствовать им, облегчать их развертывание. Впрочем, слепое и безучастное следование этим процессам также не в наших интересах. Что хорошего было бы в том, если бы мы создали систему взаимодействующих и взаимозависимых обществ, в которых царила бы диктатура богатых и сильных, в то время как подавляющее большинство населения влачило жалкое существование, природа стала бы враждебной человеку, ресурсы оказались бы на грани истощения, жизнь была бы невыносимой, конкуренция не знала бы ограничений и правил, все споры решались бы силой и правым считался тот, кто сильнее? Такой мир мог бы возникнуть в результате эволюционного процесса, но следование такому развитию событий не в наших интересах. К счастью, в

* Окончание. Начало см.: ВИЕТ. 1997. № 4. С. 82–105.

** Подробное обсуждение этих процессов см. в книге: *Laszlo E. Evolution: the General Theory.* — Cresskill, N.Y.: Hampton Press, 1996.